УДК 94 (518)

ББК 63.3 (5Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2018-32-52-59

Б. Д. Цыбенков, Р. Содномцэрэн

ПОЛИТИК И УЧЕНЫЙ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ МЭРСЭ

Статья посвящена рассмотрению жизни и научной деятельности Мэрсэ, одного из видных общественно-политических деятелей первой трети XX в. Авторы изучили формирование его взглядов в детском и юношеском возрасте, основные этапы деятельности, материалы о последних годах его жизни в тюремном заключении. В работе также приводятся сведения о научных исследованиях Мэрсэ, посвященных монгольскому вопросу.

Ключевые слова: Мэрсэ, дауры, национально-освободительное движение, Хулун-Буир, МНР, СССР, допросы, научные работы.

B. D. Tsybenov, R. Sodnomtseren

POLITICIAN AND SCIENTIST IN THE TROUBLED TIMES:
BIOGRAPHY OF MERSE

The article examines the biography of Merse, the well-known social and political activist of the first third of the 20th century. The authors studied the formation of his views in childhood and adolescence, the main stages of activity, materials about the last years of his life in prison. The publication also studied the information on the scientific research of Merse.

Keywords: Merse, daur, national liberation movement, Hulun-Buir, Mongolia, USSR, interrogations, scientific works.

Изучение новейшей истории даурского народа невозможно представить без обращения к деятельности таких крупных общественно-политических деятелей, как Шэньфу, Линшен, Мэрсэ и Фуминтай. В их ряду своими передовыми взглядами и научными работками заметно выделяется Мэрсэ. Биография этого незаурядного человека, несомненно, требует нашего пристального внимания, поскольку сфера его деятельности была широка и охватывала не только Хулун-Буир и Внутреннюю Монголию, но и МНР, СССР, Северо-Восточный Китай. В написании работы нами

использованы материалы зарубежных и отечественных историков, особенно ценными для нашего изучения явились материалы К. Этвуда, Б. В. Базарова, Д. Наранжаргала и Ч. Дашдавы.

Мэрсэ родился в 1894 г. в селении Мэхэрт в семье богатого скотовода Мингу. Согласно региональному делению в рамках восьмизнаменной маньчжурской системы, он относился к желтому с каймой знамени в составе восточного солонского крыла Хулун-Буира. При рождении ему дали имя Мэрсэнтэй, однако впоследствии закрепился сокращенный вариант – Мэрсэ. Он имел также и китайское имя

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazar75@mail.ru.

СОДНОМЦЭРЭН Раднаа – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела образования Министерства образования, науки и культуры Монголии (Улан-Батор, Монголия). E-mail: sodnomtseren78@yahoo.com.

Гуо Даофу, где Гуо является сокращением названия даурского рода говол. В китайской транскрипции это имя встречается как Куо Тао-fu. В своих работах он использовал и художественный псевдоним – Цзюньхуан [Zhou Taiping 2010: 1].

Детство Мэрсэ, по всей видимости, было безоблачным, поскольку никаких финансовых и иных затруднений семья не испытывала. Его отец преуспел в занятии скотоводством и торговлей. Он был инвестором крупной китайской компании Чжинсин Хао, располагавшейся в китайском квартале Хайлара – Донгай. Несмотря на это, Мэрсэ вырос отнюдь не избалованным ребенком, а отличался редкой бережливостью и расчетливостью. Так, в возрасте 14 лет он рекомендовал отцу придерживаться десяти правил ликвидации ненужных расходов в домашнем хозяйстве, которые сам разработал. В число расходов Мэрсэ включил и большие траты на исполнение шаманских обрядов [Atwood 2002: 127–128]. После обучения в школе восьми знамен г. Хайлара, где Мэрсэ выучил монгольский и маньчжурский языки, в 1910 г. он был отправлен на учебу в провинциальную школу № 1 г. Цицикар. К этому времени 16-летний юноша уже владел тремя языками, включая родной даурский, а также выучил и некоторые основные китайские слова и выражения. Несмотря на трудности, связанные с ломаным китайским, он хорошо учился и окончил школу в 1914 г., став первым в своем классе. Годы его учебы в Цицикаре совпали с периодом крушения Цинской империи и становлением новой Китайской республики. Надо полагать, что новые веяния оказали большое влияние на формирование взглядов Мэрсэ. Как и многие студенты, Мэрсэ отрезал свою косу и выступал против устаревшего цинского церемониала и обрядности. К тому же большие перемены произошли и на родине, в Хулун-Буире, который в 1912 г. провозгласил свою независимость и попытался установить связи с халхаским Богдо-гэгэном [Цыбенков 2017а: 204–205]. В числе даурской знати, решившей-

ся на радикальный шаг, были и родственники Мэрсэ. Поэтому при желании ему можно было остаться в Хайларе и занять какую-нибудь чиновничью должность. Однако Мэрсэ решает продолжить обучение и в 1915 г. поступает в специальную школу русского языка в Пекине, относящуюся к ведомству Министерства иностранных дел Китая. Прочувшись один курс, он летом 1917 г. возвращается в Хайлар. Причина заключалась в занятии города отрядом южных монголов во главе с Сэбжингэ и начавшимися грабежами населения [Даур 1989]. Семье Мэрсэ был нанесен сильный удар, финансовое положение резко ухудшилось. Теперь Мингу не имел возможности оплачивать учебу сына. К этому времени взгляды Мэрсэ продолжают формироваться под влиянием революционных взглядов, национально-освободительного движения монгольских народов. В Пекине он познакомился с будущими членами народно-революционной партии Внутренней Монголии – Бай Юньти и Алтан-Очиром [Цыбенков 2017а: 206]. Надо полагать, что помимо бесед на темы школьного и университетского образования они вели разговоры и о национально-освободительном движении монголов, фактической независимости Внешней Монголии и Хулун-Буира, восстаниях во Внутренней Монголии. В этот период Мэрсэ, очевидно, осмысливал полученную от друзей, родственников и прессы информацию о революционных событиях и все более утверждался во мнении о необходимости продолжения начатых перемен. В то время у него имелись и другие интересы; в частности, есть данные, что он изучал Библию и даже принял крещение в христианскую веру в китайской христианской церкви в Пекине [Atwood 2002: 128]. После возвращения в Хайлар одним из насущных вопросов, требующих незамедлительного решения, по мнению Мэрсэ, был вопрос об открытии новой школы. Прежняя школа была закрыта китайскими властями из-за объявления независимости Хулун-Буира. Зимой 1917 г. Мэрсэ и еще один представи-

тель даурской интеллигенции Фуминтай собрали более 30 человек молодежи из числа тех, кто получил образование за пределами региона. Целью собрания было обсуждение вопросов образования и реформы местной политики. Они создали Хулун-Буирскую студенческую ассоциацию. Впоследствии эта организация стала ядром революционного движения в регионе. Весной 1918 г. Мэрсэ и Фуминтай основали в Хайларе начальную школу [Курас, Цыбенков 2018: 366]. По нашему предположению, основанному на анализе данных зарубежных исследователей, в том же 1918 году Мэрсэ мог принять участие в монгольской ассамблее, прошедшей в г. Верхнеудинске. Под «монгольской ассамблеей», очевидно, следует понимать съезд бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии, прошедший в Верхнеудинске 20–24 ноября 1918 г. [Цыбенков 2017в: 33]. Однако имеются сведения об участии Мэрсэ в бурятском съезде 1922 г. [Li Narangoa 2003: 97]. Без привлечения дополнительных материалов ныне сложно определить точную дату участия Мэрсэ в работе бурятских делегатов. Возможно, этот момент могут прояснить специальные работы в соответствующих фондах Государственного архива Республики Бурятия. Поскольку наши предыдущие работы, посвященные истории дауров, содержат отрывочные сведения о его деятельности в 1919–1922 гг. и данные об организации Мэрсэ баргутского восстания 1928 г. [Там же: 130–131], мы не будем на них подробно останавливаться, а лишь кратко обозначим основные вехи его биографии с 1919 по 1931 г. В 1919 г. – делегат от Хулун-Буира на панмонгольских съездах даурского правительства; 1920 г. – объявлен в розыск китайскими милитаристами за создание Хулун-Буирской студенческой ассоциации, уехал в Пекин; 1922 г. – приглашен во Внешнюю Монголию для работы над созданием народно-революционной партии Внутренней Монголии; 1923 г. – получает приглашения на должности: 1) секретаря и переводчика русского языка в

Министерство иностранных дел Китая; 2) советника управления внешних сношений между Китайской республикой и СССР; 3) временно исполняющего обязанности директора особой монголо-тибетской школы. В том же году он уезжает в СССР. В 1924 г. – делегат от Хулун-Буира на всекитайском собрании по улучшению качества педагогической работы (г. Нанкин); 1925 г. – избрание Мэрсэ секретарем народно-революционной партии Внутренней Монголии; 1928 г. – организация баргутского восстания; 1928–1929 г. – должность личного секретаря китайского милитариста Чжан Сюэяня в г. Шэньян; 1931 г. – таинственное исчезновение в г. Маньчжурия. Последнее обстоятельство заинтересовало монгольских ученых Д. Наранжаргала и Ч. Дашдаву, которые, основываясь на российских архивных документах, попытались проследить заключительный отрезок жизненного пути Мэрсэ [Цыбенков 2018: 137]. Считается, что Мэрсэ бесследно исчез после посещения Консульства СССР в Маньчжурии в декабре 1931 г. Однако его дело хранится в Центральном архиве УФСБ РФ под № р-34587. Оно содержит материалы допросов Мэрсэ от 24 мая 1932 г. и 20 ноября 1933 г., обращение Мэрсэ «Товарищу начальнику» от 19 сентября 1932 г., показания Мэрсэ от 18 января 1933 г., приговор. Ознакомление с работой монгольских коллег показывает, что из Консульства СССР в Маньчжурии Мэрсэ был препровожден в Хабаровск. Поскольку имеются лишь материалы допроса Мэрсэ от 24 мая 1932 г., остается невыясненным, допрашивали ли его в период с декабря 1931 г. по апрель 1932 г. На майском допросе 1932 г. Мэрсэ сообщает данные о себе: год и место рождения, национальность, образование, семейное положение, имущество. В последней графе приведены данные о количестве крупного и мелкого скота, сведения о наличии домов в Хайларе и деревне. Отмечены суммы денег в китайских долларах, хранящиеся в банке, также указывается наличие в собственности завода по изготовлению

спирта недалеко от Хайлара. Далее указана его краткая биография с малых лет до баргутского съезда 1928 г. В конце биографических данных имеется запись: «с моих слов вышеуказанные данные записаны верно, поэтому ставлю свою подпись. Русский язык знаю хорошо, переводчик не требуется. Мэрсэ» [Naranjiryal, Dašida-va 2014: 36]. Следующий документ – обращение Мэрсэ «Товарищу начальнику» от 19 сентября 1932 г. представляет собой машинописный текст, сверху которого от руки написано «перевод с китайского». Из этого понятно, что изначально текст был составлен на китайском языке. В начале обращения говорится: «после беседы с вами, проведенной в тюремной камере № 8, и после прочтения переданных мне хороших книг и советских газет в моем сознании произошли перемены. Я понял, что большевики твердо и честно следуют взглядам Ленина и успешно строят социализм. Сейчас я очень ясно осознал свою неправильную деятельность, свои ошибочные взгляды, приведшие к оказанию услуг японскому империализму. Поэтому в этом показании я искренне признаю свою ошибку и вместе с тем желаю разъяснить причину того, как я стал «руками и ногами» японцев. Во время пребывания в Улан-Баторе попал под влияние Ц. Дамбадоржа и Ж. Цэвээнэ. Дамбадорж придерживался взглядов, которые можно изложить в следующих пунктах: 1) объединению монгольских народов препятствуют Советский Союз и Гоминьдан; 2) у Внешней Монголии не было возможности проводить самостоятельную дипломатию (внешнюю политику); 3) Монголии не дали возможности развивать самостоятельную экономику (или свободно завязывать отношения с другими государствами). С другой стороны, также было сильно влияние глубоко почитаемого мною отца панмонголизма, ученого Жамсаранова. Его взгляды можно свести к следующим пунктам: 1) монголы, объединившись, смогут создать свое государство; 2) Монголия не должна опираться на одно-единственное государство; 3) неразборчиво (авт.). Далее Мэрсэ пишет о

внешней политике СССР, принципах пролетарской революции, взглядах В. Ленина и И. Сталина на решение национального вопроса. Отмечает свое незнание раскола в рядах большевистской партии, рассуждает о различиях между правыми и левыми. Из текста явствует, что, по его мнению, Ленин поддерживал правых. Также он сообщает, что не стал вмешиваться во время раскола МНРП на правых и левых. Ценные сведения содержат показания Мэрсэ о баргутском восстании. Он пишет, что поднял восстание без одобрения Гоминьдана. Хорошо осознал, что не получит помощи от СССР и Внешней Монголии. И в результате сложилась ситуация, когда не было другого выхода, как просить помощи у японцев. Он через некоего Сю Лина отправил японцам письмо. Однако восстание баргутов было подавлено, и, зная, что если вернется в Улан-Батор, то МНРП и Гоминьдан потребуют объяснений, он перешел на сторону Чжан Сюэляна. Далее Мэрсэ пишет о японском влиянии и делает вывод, что японские империалисты использовали его. Сообщает, что никаких заданий от японцев не выполнял, разведывательной деятельностью в их пользу не занимался, денег у них не просил. И все же он признает свою вину, но в то же время отмечает, что исправился, и просит дать возможность показать это на деле [Ibid.: 39]. Надо заметить, что подробная информация о ходе переговоров во время баргутского восстания 1928 г. содержится в монографии Б. В. Базарова. Так, автор замечает, что Мэрсэ, будучи революционером с солидным опытом и человеком, почерпнувшим знания драматичной коллизии забайкальско-маньчжурской истории первой четверти века, не мог не знать, какие последствия его ожидают [2002: 60].

Еще один допрос Мэрсэ состоялся 20 ноября 1933 г. и был связан с т. н. «делом Лхумбэ» в МНР. Материалы допроса содержат показания о содействии в пребывании в Монголии японца Иногу-чи, работе Фуминтая по отправке японского консула в МНР. В итоге Мэрсэ был

обвинен по пунктам 4 и 6 ст. 58 УК как японский шпион, предполагаемый организатор крупного вооруженного восстания. Согласно приговору от 27 августа 1934 г., Мэрсэ был приговорен к расстрелу. Расстрел позже был заменен 10 годами лишения свободы. 16 января 1989 г. Мэрсэ был реабилитирован [Naranjiryal, Dašidava 2014: 39]. Материалы Д. Наранжаргала и Ч. Дашдавы открывают новые страницы биографии, возможно, последних лет крупного общественно-политического деятеля. Ранее мы считали, что он был расстрелян в застенках ГПУ [Цыбенков 2017б: 131]. Как показывают новые данные, расстрел был заменен на длительный тюремный срок, и Мэрсэ, вероятно, умер в тюрьме. Впрочем, сложно судить о правдивости приговоров в отношении политзаключенных, учитывая реалии того периода. Единственное, что мы можем почерпнуть из этих данных о судьбе Мэрсэ, так это то, что в августе 1934 г. он был еще жив. Другие данные, например о месте его содержания, перемещениях, отсутствуют, равно как и сведения об обстоятельствах смерти и месте погребения. Последнее обстоятельство ныне особенно важно для представителей современной даурской интеллигенции, желающих увековечить память о славном сыне своего народа.

Дополняя нашу краткую работу, остановимся на научных изысканиях Мэрсэ, которые заметно отличались от работ современников, написанных в рамках маньчжурской литературной традиции. Одна из его работ посвящена монгольскому вопросу. Очевидно, написана на китайском языке, поскольку у нас есть следующее ее название: Guo Daofu. Menggu wen ti jiang yan lu: (1929 nian). Nei Mengguo zi zhi Dawoer lishi yu yan wen xue hui yin, 1987. Таким образом, общество изучения истории даурского народа Внутренней Монголии в 1987 г. переиздало его статью. Текст работы нам неизвестен, однако есть еще одна статья, приписываемая Мэрсэ. Там его имя обозначено как Куо Тао-фу и публикация

«Современная Монголия» издана на английском языке [Kuo Tao-fu 1930]. В предисловии он пишет, что «Монголия воспринимается либо как варварская страна, либо как удобное место для избыточного населения Китая» [Ibid.: 754]. По его мнению, решения запутанных проблем Монголии никогда не было. По этой причине отношения между Монголией и Китаем перешли от плохих к худшим и в конечном итоге привели к движению за независимость. Анализируя революцию во Внешней Монголии, он приходит к выводу, что в результате усиления колониционной политики маньчжурской династии монгольский народ восстал и в 1911 г. провозгласил независимость Внешней Монголии под руководством Дамбаламы (сокращ. от Джебцундамба-хутухта. – *Авт.*). Захват власти китайским милитаристом Сюй Шучженем характеризуется автором как большая ошибка китайцев, вызвавшая большое негодование во Внешней Монголии. Далее Мэрсэ отмечает создание народно-революционной партии Внешней Монголии, провозглашение народного правительства в 1921 г. Им приводятся отличия революций 1911 и 1921 гг., которые выражались в том, что «второе движение за независимость было народным в отличие от первого, которое было движением монгольской знати во главе с Богдо-ханом». Внешняя Монголия, по его мнению, не только находится в состоянии политической революции, но и приступила к революции социальной. Интересны высказывания Мэрсэ о политике Советской России, политике дружественной помощи, а не эксплуатации. Советские советники, в его видении, – реальная конструктивная сила в восстановлении Монголии. С другой стороны, как пишет Мэрсэ, советская политика за последние 10 лет выразилась в следующем: 1) блокада финансов Монголии; 2) вмешательство в независимые отношения монголов; 3) монополизация внешних связей Монголии. В итоге он приходит к выводу, что Советская Россия строит Внешнюю Монголию в качестве

буферного государства для реализации собственных проектов.

В этой же статье Мэрсэ обращается и к движению за независимость во Внутренней Монголии, выделяя 3 группы: 1) знать; 2) дугуйлан; 3) новая революционная партия, из молодежи. По его мнению, несогласие между собой сделало их пешками с одной стороны России, с другой – Японии. В завершение статьи Мэрсэ обращается к перспективам монгольского народа. Поскольку, как он пишет, «нация в наше время – это эволюция цивилизации, научные знания, армия, труд, свободный морской порт для торговли», то Монголия не имеет ни одного из них. Поэтому его выводы весьма пессимистичны: «МНР либо присоединится к России, либо вернется в лоно Китая» Далее он продолжает, что «объединение с китайцами отвечает интересам Монголии (китайцы придерживаются либеральной политики по отношению к более слабым нациям) ... Китай нуждается в монголах (за последние 5 тыс. лет китайцы всегда оживлялись кровью с Севера)» [Кюо Таофу 1930: 762]. Комментарии, как говорится, излишни. Здесь необходимо учесть, что в этот период (1929 г.) Мэрсэ служил личным секретарем у Чжан Сюэяна. И надо думать, что после поражения баргутского восстания в 1928 г., так и не дождавшись обещанной помощи, он серьезно разочаровался в искренности намерений Коминтерна, советского и монгольского правительств. Впрочем, предстоит еще выяснить, что явилось истинной причиной столь неожиданных выводов Мэрсэ.

Еще одна его статья была посвящена проблеме Хулун-Буира. Известно, что она написана на китайском языке в 1930 г., опубликована в 1931 г. в Шанхае.

Рассуждая об историческом прошлом Хулун-Буира, он подчеркивает, как «этот регион, можно сказать, был колыбелью монгольского народа, где началось его рождение и становление». Позже, как он пишет, территория Хулун-Буира стала одной из основ государства Чингисхана и впоследствии была передана его младшему брату Хасару. Данное обстоятельство, по мнению К. Этвуда, не совсем соответствует действительности, поскольку Хулун-Буир часто находился под контролем враждебных монголам Чингисхана татар и его соперника, анды Джамухи [Atwood 2005: 15]. Мы не имеем полной версии этой статьи Мэрсэ, но полагаем, что в ней содержится информация и по состоянию дел в Хулун-Буире в первой трети XX в. У Мэрсэ, очевидно, были и другие научные работы, включая неопубликованные. Известно, что он, как и другой даурский общественно-политический деятель Цэнд-гун, занимался переводом «Сокровенного сказания монголов».

В нашей публикации мы попытались рассмотреть некоторые страницы биографии Мэрсэ, крупного политика и ученого монгольского мира. Изученные материалы показывают его как одного из передовых деятелей того переломного времени, много сделавшего для развития государственности и научных познаний монгольских народов. Как и большинству представителей панмонгольского движения первой трети XX в., ему было суждено прожить яркую, трагичную и недолгую жизнь. Наше обращение к изучению биографии, несомненно, требует дальнейшего детального прояснения малоизученных фактов его политической деятельности и научного наследия.

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № II.1 (проект «Монгольский коридор в условиях евразийского взаимодействия: история и современность. Блок I. Монгольский коридор в исторической ретроспективе», № AAAA-A18-118020990007-9).

Литература

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.

Курас Л. В. Культура и образование дауров в XIX – начале XX века / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. – С. 362–370.

Цыбенков Б. Д. Историография истории даурского народа / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2018. – Т. 23. – С. 134–143.

Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017а. – С. 201–210.

Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2017б. – Т. 21. – С. 128–135.

Цыбенков Б. Д. Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ / Б. Д. Цыбенков // Тармахановские чтения-I: Российская революция 1917 г. / отв. ред. О. Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017в. – С. 32–37.

Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir / C. P. Atwood // East Asian history. December. – 2005. – No. 30. – P. 5–22.

Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 / C. P. Atwood. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. – 1168 p.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyrayulan bičikü duyuyilang naiyrayulaba; Men Di Dun, Üljejitiü, Bayar. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. – 300 с.

Kuo Tao-fu. Modern Mongolia / Tao-fu Kuo // Pacific Affairs. – 1930. – Vol. 3. – No. 8. – P. 754–762.

Li Narangoa B. Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945. Nordic Institute of Asian studies monograph series / Narangoa Li, R. Cribb. – Routledge, 2003.

Naranjiryal D. Merse-yin amidural-un segül-ün jil-ud / D. Naranjiryal, Č. Dašidava // Öbür Mongyol-un yeke surayuli. Erdem šinjligen-ü setegül. – Kükqota, 2014, 2-duyar quyučay-a. – С. 36–53.

Zhou Taiping. 1920 niándài de Guodaofu ji Hūlúnbèi'ěr qīngnián dǎng bàodòng shì tán / Taiping Zhou // Osaka University Forum on China. Discussion Papers in Contemporary China studies. – 2010. – No. 4. – P. 1–10.

References

Bazarov B. V. Neizvestnoe iz istorii panmongolizma / B. V. Bazarov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2002. – 67 s.

Kuras L. V. Kul'tura i obrazovanie daurov v XIX – nachale XX veka / L. V. Kuras, B. D. Cybenov // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2018. – Irkutsk: Izd-vo BGU, 2018. – S. 362–370.

Cybenov B. D. Istoriografiya istorii daurskogo naroda / B. D. Cybenov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2018. – T. 23. – S. 134–143.

Cybenov B. D. K izucheniyu istorii daurov Hulun-Buira (1911–1917) / B. D. Cybenov // Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2017. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2017a. – S. 201–210.

Cybenov B. D. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Hulun-Buire v pervoj treti XX v. i vizit v region Panchen-lamy IX v 1931 g. / B. D. Cybenov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2017b. – T. 21. – S. 128–135.

Cybenov B. D. Uchastie v Buryatskom s"ezde 1918 g. daurskogo deyatelya Merse / B. D. Cybenov // Tarmahanovskie chteniya-I: Rossijskaya revolyuciya 1917 g. / отв. ред. О. Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2017в. – С. 32–37.

Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir / C. P. Atwood // East Asian history. – 2005. – No. 30. – December. – P. 5–22.

Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 / C. P. Atwood. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. – 1168 p.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyayulan bičikü duyuylang naiyayulaba; Men Di Dun, Üljejitü, Bayar. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriγ-a, 1989. – 300 s.

Kuo Tao-fu. Modern Mongolia / Tao-fu Kuo // Pacific Affairs. – 1930. – Vol. 3. – No. 8. – P. 754–762.

Li Narangoa B. Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945. Nordic Institute of Asian studies monograph series / Narangoa Li, R. Cribb. – Routledge, 2003.

Naranjirγal D. Merse-yin amidural-un segül-ün jil-ud / D. Naranjirγal, Č. Dašidava // Öbür Mongyol-un yeke surγayuli. Erdem šinžilgen-ü setegül. – Kökeqota, 2014, 2-duγar quyučay-a. – C. 36–53.

Zhou Taiping. 1920 niándài de Guodaofu jì Hūlúnbèi'ěr qīngnián dǎng bàodòng shì tán / Taiping Zhou // Osaka University Forum on China. Discussion Papers in Contemporary China studies. – 2010. – No. 4. – P. 1–10.